

Т. А. Кукушкина

**«ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ И ШИРОКО ГОСТЕПРИИМНЫЙ...»
ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ (1918—1922)**

I

Петроградский Дом литераторов¹ — объединение, созданное дореволюционной творческой интеллигенцией для защиты своих правовых и профессиональных интересов в период жесткого экономического и идеологического давления государства на деятелей русской культуры, воплотившегося в Петрограде в последовательный террор, организованный Петроградским Советом и полномочным хозяином города Г. Е. Зиновьевым.² С закрытием к осени 1918 г. всех дореволюционных газет, большинства издательств и типографий журналисты и литераторы оказались без работы и без средств к существованию. Непризнание советской властью существующих литературных организаций профессиональными союзами лишало их права на получение продовольственного пайка, полагающегося представителям других профессий. Политика всеобщей национализации, хлебной монополии, запрета свободной торговли, унижительной уравниловки, искусственная продовольственная блокада Петрограда, окруженного рогатками и заставами, причисление литераторов и журналистов, как «элемент нетрудающийся» и буржуазный, к последней категории граждан для получения продуктов и предметов первой необходимости,³ которой зачастую не выдавалось ничего, кроме нескольких штук сельдей, обрекали интеллигенцию на голод и ежедневную борьбу за физическое выживание. Весной 1918 г. руководители Петроградского профессионального союза журналистов решили создать литературную организацию, нечто вроде литературного клуба, объединяющую все творческие силы Петрограда независимо от их политических убеждений и основанную лишь на «общности профессиональных интересов, общности материальной необеспеченности и общности постоянного преобладания духовных интересов над всеми остальными».⁴ В сентябре 1918 г. на средства Союза журналистов был организован питатель-

ный пункт — столовая (Бассейная, 11; ныне — ул. Некрасова), где литераторы и журналисты могли получить дешевый обед. С этого и начался Дом литераторов, официально открывшийся 1 декабря 1918 г. в том же особняке на Бассейной на средства учредителей Дома: Петроградского профессионального союза журналистов и его кооператива — Потребительного общества столичных журналистов, Общества и Кассы взаимопомощи литераторов и ученых, Литературного фонда, Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ; март 1918—июнь 1919).⁵ Паевые взносы этих организаций и стали основным источником существования Дома в 1919 г. Самый большой вклад (350 тысяч рублей) поступил от Потребительного общества столичных журналистов, созданного в годы войны и возглавляемого сотрудником газеты «Речь» В. Б. Петрищевым.⁶ Дом литераторов объединял также Союз русских писателей (март 1917 — декабрь 1918), Союз драматических и музыкальных писателей, Общество профессиональных переводчиков-литераторов, с лета 1920 г. — Всероссийский союз писателей (Петроградское отделение).

Опыт Дома литераторов по объединению дореволюционной интеллигенции был не единственным, но наиболее удачным. Той же идеей — «помочь брату-писателю, нуждающемуся в средствах к жизни и в работе — издательством Союза, дешевым общежитием, объединением пишущих братьев в тепло, родном углу»,⁷ — руководствовались и учредители Союза деятелей художественной литературы, возникшего весной 1918 г. по инициативе Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и Н. С. Гумилева. В арендованном особняке предпринимателя М. А. Гинзбурга (Васильевский остров, 11-я линия, д. 18) были открыты столовая, общежитие, намечалась организация издательства, музея, библиотеки. Как и Дом литераторов, Союз существовал первое время на средства М. А. Гинзбурга, принципиально не желая брать деньги от большевистского правительства, дабы сохранить идеологическую и финансовую независимость. Объединив все творческие силы Петрограда, литераторы и журналисты надеялись не только противостоять государственному диктату, но и выхлопотать у новой власти право на определенную автономию и свободу печати, а по сути дела — право на существование. Сплочение литературных сил диктовалось необходимостью «перед недоверчиво в то время относившейся к литературе партией выступить на защиту своих правовых и бытовых интересов не вразброд, а организационно, со всей полнотою материала, со всей обоснованностью своих требований».⁸ В начале 1919 г. организации, собравшиеся вокруг Дома литераторов, учредили Объединенный союз профессиональных литературных организаций (председатель — А. М. Редько,⁹ казначей — В. А. Азов¹⁰) «с целью облегчить входящим в его состав организациям достижение их профессиональных, культурных и материальных задач».¹¹ От имени Центрального комитета Объединенного союза, размещившегося в Доме литераторов, и велись переговоры с властями в первой половине 1919 г.

Согласно первому уставу, утвержденному Наркомпросом лишь 30 июня 1920 г., важнейшей задачей Дома было «удовлетворение

духовных и материальных нужд лиц, работающих на литературном поприще». ¹² Идея объединения под одним кровом, вокруг одного реального начинания была положена в основание организационной схемы Дома. Руководство осуществлялось общим собранием действительных членов, для ведения всех дел в октябре 1918 г. был учрежден Хозяйственный комитет, к моменту образования состоявший из журналистов: В. Б. Петрищева (председатель), Б. О. Харитона (товарищ председателя и заведующий Домом), А. Е. Кауфмана (секретарь), И. Д. Новика (казначей), В. А. Азова, С. Л. Бурсина, Н. М. Волковьского, И. Г. Гиллера, Л. М. Клячко, И. М. Розенфельда, Г. И. Урюпинского, М. А. Хаста. ¹³ Со временем Хозяйственный комитет претерпел ряд изменений, его председателем был избран Харитон, заместителем председателя — Волковьский, казначеем — Азов. Основную повседневную работу все годы существования Дома вели его бессменные фактические руководители Б. О. Харитон, Н. М. Волковьский и член Хозяйственного комитета, культурно-просветительной коллегии, экспертно-цензурной комиссии, заведующий библиотекой В. Я. Ирецкий. ¹⁴ Созданный для литераторов и журналистов, Дом унаследовал традиционные для дореволюционных литературных организаций отношения взаимовыручки и взаимопомощи и был открыт для многих слоев петроградской интеллигенции. Принцип профессиональной общности пишущих людей, настойчиво проводимый руководителями Дома литераторов во всех документах (уставе, справках, отчетах, письмах и прошениях), был особенностью, отличавшей его от двух других петроградских Домов — Дома искусств (с конца 1919 г.) и Дома ученых (с начала 1920 г.) — со строгим делением на «своих» и «чужих». Задолго до создания Дома ученых и Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) литераторы делились своим скудным пайком с учеными, потому что «русская литература и русская наука всегда жили в тесном союзе, стремясь, разными путями, к одной и той же цели, определяемой словами: культура и свобода». ¹⁵ Круг лиц, обслуживаемых Домом, подразделялся на литераторов, ученых, литераторов-ученых, гостей по ученому и художественному признаку. Для получения права входа и членского билета требовалось вступление в одну из литературных организаций, для гостей — рекомендация лица, заслуживающего доверия руководителей Дома. Многие ученые Петрограда стали членами Дома литераторов, вступив в Общество взаимопомощи литераторов и ученых. «Заявления об избрании в члены Общества стали поступать десятками к каждому заседанию Правления, и можно почти с уверенностью сказать, что в отчетном году вступили в число членов Общества чуть ли не все проживающие в Петрограде литераторы и ученые, чему немало способствовало и сплочение писателей, и возникновение Дома литераторов», — сообщалось в отчете Правления о деятельности Общества в 1919 г. ¹⁶ В архиве Дома сохранилось более 400 заявлений артистов, художников, присяжных поверенных, бывших сенаторов, поступивших в Хозяйственный комитет в первые месяцы его существования и почти все — с резолюциями Харитона и Волковьского: «выдать», «разрешить». ¹⁷ Число посетителей было столь велико, что Комитету не раз приходилось пересматривать вопрос о выдаче

входных билетов. В 1919 г. столовая Дома обслуживала около 4000 человек. Лишь в 1920 г., когда часть литераторов объединилась во-круг Дома искусств, а ученые обрели новое пристанище в органи-зованном под эгидой М. Горького Доме ученых, в Доме литерато-ров решились на перерегистрацию. Созданная в марте 1920 г. экс-пертно-цензовая комиссия после долгих обсуждений в 23 заседаниях ввела иной принцип учета посетителей: действительные члены (ли-тераторы и литераторы-ученые), члены-соревнователи (по литера-турному и литературно-научному признаку), гости (ученые, худож-ники, артисты, «близкие литературной среде по своей деятельности и персонально»). Действительными членами были А. А. Ахматова, А. А. Блок, М. Горький, А. Грин, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб, К. А. Федин, О. Д. Форш, К. И. Чу-ковский. Вдовы и сироты литераторов пользовались теми же пра-вами, что и семьи действительных членов.

Необходимость защиты естественных гражданских и профессио-нальных прав интеллигенции, «выделения литературного работника из оскорбительного круга „паразитов“»,¹⁸ определила направление работы Дома в первые полтора года его существования. «Надо было создать для лишенного привычных условий жизни литератора угол, где б он мог сохранить живую связь с миром своих старых друзей и товарищей по литературной работе, где бы он мог в го-лодные дни поесть, в дни ликвидации книжной торговли получить нужную ему книгу, в дни общего хаоса — найти спокойную, свет-лую, теплую комнату», — говорилось в отчете Дома.¹⁹ В Доме на Бассейной работала столовая, было открыто общежитие (с февраля 1920 г.), рабочие комнаты, литературный музей, библиотека-чи-тальня, книжный киоск, позднее — амбулатория, различные мастер-ские. Члены Дома литераторов получали дешевые обеды, продук-ты, дрова, одежду и обувь, ссуды и пособия. Вдовам, сиротам, не-имущим и престарелым литераторам выдавались бесплатные обеды, литераторам старше 50 лет предоставлялось право получать обеды вне очереди. С лета 1919 г. двери Дома распахивались в 9 часов утра и закрывались лишь в 10 часов вечера, «благодаря чему не-сколько сот семейств петроградских литераторов и ученых имели возможность проводить целые вечера в теплом помещении и совер-шенно не топить дома плиты, всецело питаясь в <...> столовой».²⁰

Из-за неустойчивого финансового положения Дом не раз ока-зывался перед угрозой закрытия, отпускаемых по прикрепленным карточкам продуктов катастрофически не хватало, нередко в зда-нии за неуплату отключали свет. Архив Дома сохранил многочис-ленные свидетельства героических усилий его руководителей сохра-нить для литераторов «дом литераторов, где они, независимо от их убеждений, собираются дружной семьей».²¹ В декабре 1918 г. рабо-чие организации и профессиональные объединения получили право закупки и ввоза в Петроград ненормированных продуктов.²² Дом литераторов, как организация не профсоюзная, этого права оказа-лся лишен и был вынужден заключать соглашения с крупными ор-ганизациями (Союз швейной промышленности, Севцентропечать),²³ делясь с ними частью продуктов и всякий раз выпрашивая мандат-разрешение Комиссариата продовольствия. Продовольственные от-

ряды, созданные уже в конце 1918 г., и уполномоченные Дома со всех уголков России (Архангельская, Витебская, Вологодская, Могилевская, Мурманская, Новгородская, Рязанская, Саратовская, Тверская, Челябинская губернии) везли на Бассейную овощи, грибы, ягоды, конину, иногда — жиры, творог, сметану, на что требовалось особое разрешение, для получения которого нередко приходилось прибегать к заступничеству управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича.²⁴ В архиве Дома литераторов сохранилось около 1000 листов переписки, договоров, мандатов, справок, рассказывающих об этой деятельности Дома, продолжавшейся до 1922 г. и похожей на авантюрный роман с приключениями, препятствиями, задержкой и пропажей грузов, болезнями и арестами производственных агентов. Можно лишь удивляться неумолимости и изворотливости руководителей Дома, правдами и неправдами пытавшихся добыть продукты. Ни в одном из 1000 листов документов нет сведений о закупке мяса. Лишь однажды, зимой 1921 г., было получено разрешение на заготовку дичи в Челябинской губернии своими силами и средствами. В результате трехмесячной заготовки в Петроград было отправлено несколько долгожданных вагонов с зайцами и дичью. В конце марта поезд прибыл без вагонов с дичью и лишь с одним вагоном зайцев. Остальные в пути были перехвачены другой организацией. В апреле пришлось посылать уполномоченного в Москву на поиски зайцев, оставшиеся безуспешными, и в Челябинск с ходатайством об облегчении положения арестованного уполномоченного Дома И. Г. Гиллера. «Петроградские литераторы <...> поставлены в очень тяжелые условия. Вследствие ограниченности средств и трудности получения мандатов Дому литераторов за последние 10 месяцев удалось распределить между своими членами ничтожное количество продуктов, исключительно овощей — капусты, свеклы и лука, в общем не более одного пуда на человека за все время. Заготовка в Челябинской губ<ернии>, длившаяся более трех месяцев и сопровождавшаяся тяжелым заболеванием командированного для заготовки члена Комитета И. Гиллера, давшая в итоге, казалось бы, благоприятные результаты, ныне уменьшена количественно почти на две пятых, а качественно неизмеримо более, так как наиболее ценного продукта литераторы лишаются: для них осталось конское голье, конина и всего 166 п<удов> зайцев из погруженных 640 пудов», — сообщал Комитет Дома Наркомпроду.²⁵ Конину, полученную вместо зайцев и в пути испорченную, пришлось отдать в переработку, заплатив за это дополнительные деньги. И все-таки Дом жил. Весной 1920 г. члены Комитета Харитон и Ирецкий ездили в Вятку за необходимым для Пасхи творогом, в декабре все вместе встречали Новый год, в январе 1921 г. устроили детскую елку с немудреными сладостями и подарками. В 1920 г. Комитет пытался устроить огороды в Детскосельском уезде, организовать летний дом отдыха в Невельском уезде Витебской губернии. Были арендованы фруктовые сады, проведены ремонтные работы, некоторые члены Дома побывали там с лекциями и концертами, но вскоре по инициативе местных властей договор был расторгнут. В 1921 г. посетители Дома получали фрукты из садов, арендованных Комитетом в г. Боровичи

Новгородской губернии. Для распределения продуктов, изредка поступававших из-за границы, каждый раз создавалась специальная комиссия, вырабатывавшая принципы распределения. На страницах «Летописи Дома литераторов» и «Литературных записок» печатался подробный отчет о ее работе. Из полученной в конце 1921 г. посылки из Праги был выделен паек в Бежецк сыну Н. С. Гумилева.

В условиях непрерывного экономического давления и усиливающегося идеологического контроля почти все начинания Дома встречали сопротивление властей и приобретали характер противоправительственных акций. История его создания и деятельности, как, впрочем, и Союза деятелей художественной литературы, Всероссийского союза писателей, отчасти — Дома искусств, является, по сути, историей противостояния интеллигенции политике государственного диктата в области литературы. Неоднократно председателю Наркомпроса А. В. Луначарскому и В. Д. Бонч-Бруевичу приходилось выступать в защиту Дома, останавливая попытки Петроградского совета закрыть его. В декабре 1919 г. Бонч-Бруевич, выражая просьбу обеспечить Дому беспрепятственную работу, писал Петроградскому совету: «<...> если мы ослабим нашу поддержку этого Дома литераторов, то на плечи Советской власти упадут около полутора тысяч совершенно больных, по преимуществу старых писателей, ученых и артистов, еле-еле существующих в Петрограде при помощи организованных обедов, ужинов и чая, а также теплых комнат при Доме литераторов».²⁶

В сентябре 1919 г. Дом литераторов был причислен к организациям, находящимся в ведении Наркомпроса, что гарантировало ему небольшие субсидии от государства. Официальный юридический статус был получен 30 июня 1920 г. по постановлению Коллегии Наркомпроса, гласившему: «Признать, что Дом литераторов в Петрограде, <...> как учреждение общего государственного значения, сохраняя самостоятельное внутреннее управление по выборному принципу, состоит в ведении Комиссариата по просвещению».²⁷

Весной 1920 г. Хозяйственный комитет был преобразован в Комитет Дома под председательством академика Н. А. Котляревского²⁸ (товарищ председателя — Вас. И. Немирович-Данченко,²⁹ секретарь — А. Е. Кауфман), создана Коллегия по управлению Домом, в состав которой входили заведующий Домом Б. О. Харитон, заместитель заведующего и заведующий культурно-просветительным отделом Н. М. Волковьский, секретарь А. Е. Кауфман. Новый Комитет состоял в основном из писателей. Членами его в разные годы были А. В. Амфитеатров, А. А. Ахматова, А. А. Блок, А. В. Ганзен, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, Ф. Ф. Зелинский, А. Ф. Кони, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб, В. Ф. Ходасевич, Б. М. Эйхенбаум. Обзорная деятельность Хозяйственного комитета за полтора года существования, его секретарь А. Е. Кауфман докладывал общему собранию: «Сопоставляя первые робкие и неуверенные шаги основателей и деятелей этого беспримерного не только в России, но и за границей учреждения с его нынешнею разросшеюся культурно-просветительною работою,

можно с чувством нравственного удовлетворения констатировать, что результаты деятельности Дома литераторов превосходили самые смелые расчеты членов Хозяйственного комитета, особенно, если принять во внимание встречавшиеся на их пути тернии, как извне, так и изнутри. Справедливость требует сказать, что большинство посетителей Дома литераторов относились поощрительно к работе Хозкома и его стремлениям облегчить продовольственные и другие писательские нужды, зная, какие усилия нужно было употреблять для осуществления намеченных заданий, как часто приходилось обивать пороги, чтобы стяжать благожелательное отношение к Дому литераторов и его клиентам, сколько труда стоило поддержание порядка в самом Доме». ³⁰

С избранием нового Комитета началась и планомерная культурно-просветительная деятельность Дома литераторов. Литературные вечера, впервые устроенные Хозяйственным комитетом в феврале 1920 г., чередовались с музыкальными концертами, лекциями на историко-литературные, исторические, философские, естественно-научные темы, диспутами, устраиваемыми не только в помещении на Бассейной, но и в аудиториях университета, Политехнического института. Первая лекция, состоявшаяся в марте, была посвящена А. С. Пушкину (доклады Н. О. Лернера, С. А. Венгерова). В 1920—1921 гг. были устроены три вечера в Москве, в которых участвовали А. А. Блок, Н. С. Гумилев, М. А. Кузмин, К. И. Чуковский, цикл литературных вечеров в Витебске, Невеле, Смоленске. Среди необычных начинаний — устные «живые альманахи» — литературные вечера («среды») с чтением новых рассказов, стихов, пьес, критических статей, обзоров, рецензий. Близкие по своей структуре периодическим изданиям, они отчасти восполняли их недостаток. Сохранение традиций дореволюционной, прежней литературы — одна из задач Дома литераторов, которой руководствовались его учредители во всех культурно-просветительных и хозяйственных начинаниях. Открывая в середине мая 1920 г. первый «Альманах», В. А. Азов напутствовал собравшихся: «В Великий четверг из церкви идут люди и каждый несет домой четверговую свечу, бережно прикрывая ее ладонью или бумагой. Несите осторожно, и донесете, и придя домой, затеплите от нее лампаду. <...> А если толкнет Вас грубый прохожий и заставит Вас уронить свечу, или, если налетит из-за угла порыв ветра и задует свечу — что же? Много идет из церкви народа и каждый несет свою четверговую свечу. Кто-нибудь донесет и зажжет лампаду...». ³¹ В 1920—1921 гг. в стенах Дома состоялось 300 лекций, вечеров, диспутов, концертов. Дому литераторов принадлежит идея учреждения традиционного ежегодного чествования памяти А. С. Пушкина в день его смерти — «Пушкинские поминки». На первых «Пушкинских поминках» 1921 г. выступили А. А. Блок, А. Ф. Кони, В. Ф. Ходасевич. Тогда же была принята декларация о ежегодном чествовании памяти Пушкина. ³² В том же году состоялись «поминки» Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова.

В Литературной студии, открытой в конце февраля 1920 г. и руководимой Б. М. Эйхенбаумом и В. Б. Шкловским (впоследствии — К. И. Чуковским), читались курсы «Методы изучения стиха»

(Эйхенбаум), «Теория сюжета и романа» (Шкловский), «Фантастика и миф в литературе» (М. А. Кузмин), «История музыкальных стилей» (Е. М. Браудо), «История новейшей русской поэзии» (В. М. Жирмунский), «История театра» (С. Э. Радлов). В 1920 г. был объявлен конкурс на лучший рассказ среди начинающих писателей. Из 97 рассказов, полученных к конкурсу, 6 были отмечены премиями, 5 из которых получили члены литературной группы «Серрапионовы братья» — К. А. Федин, Н. Н. Никитин, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. С. Тихонов.³³ В 1921 г. намечены конкурсы на лучшее поэтическое, драматургическое, критическое произведение, оставшиеся неосуществленными.

В 1921 г. Дом литераторов принял на себя часть расходов по погребению Блока³⁴ и установлению мемориальной доски на его доме.³⁵ 7 августа 1922 г. здесь состоялось торжественное заседание, посвященное памяти поэта, ставшее последним литературным собранием в истории Дома. С 1919 г. для Литературного музея Дома собирались материалы писателей XVIII—начала XX века. В 1919—1920 гг. были открыты три книжных магазина (на ул. Бассейной, Декабристов, Литейном проспекте).

В 1919—1921 гг. хроника Дома печаталась на страницах журнала «Вестник литературы», издававшегося председателем Общества взаимопомощи литераторов и ученых, секретарем Комитета и Коллегии по управлению Домом А. Е. Кауфманом. В марте 1921 г. «Вестник» ввел рубрику «Летопись Дома литераторов», трансформировавшуюся в журнал с тем же названием, редактируемый Б. О. Харитоном. В начале марта 1922 г. оба журнала были закрыты по постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б).³⁶ «Вместо закрытого за строптивость „Вестника литературы“ допущено издание „Литературные записки“. Состав сотрудников остался прежний. <...> Он („Вестник литературы“. — Т. К.) сыграл свою роль, пусть небольшую, но такую, за которую нельзя не поминуть добром. В недавнее время, когда все было острижено под одну гребенку, он торчал маленьким ершиком на Бассейной 11», — сообщалось в берлинском журнале «Новая русская книга».³⁷ «Литературные записки» (под редакцией Б. О. Харитона; май-август), продолжившие традиции «Вестника» и «Летописи», запрещены после выхода третьего номера.³⁸ Журналы, тесно контактирующие и дополняющие друг друга, были связаны единой общественно-литературной позицией, сходной структурой и одним кругом авторов. В 1921 г. руководство Дома пыталось создать собственную издательскую базу, выпустить серийные сборники. В 1921 г. вышел единственный сборник «Пушкин. Достоевский» со статьями и докладами, прочитанными на «поминках». Многие из задуманного не осуществилось. Не состоялось издание ежемесячного журнала «Русская жизнь», серийного сборника «Дом литераторов», еженедельника «Бюллетени Дома литераторов», сборника рассказов, получивших премии конкурса, альманаха в пользу голодающих Поволжья. В 1922 г. не получила поддержки официальных властей идея создания совместного со Всероссийским союзом писателей (Петроградское отделение) издательства «Феникс».³⁹ Разрешенное в начале 1922 г. издательство «Дом литераторов»⁴⁰ успело выпустить лишь сборник «О смене вех»

(1922) и «Петербургский сборник: Поэты и беллетристы» (издание журнала «Летопись Дома Литераторов») с произведениями А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко, Г. В. Иванова, М. А. Кузмина, А. Д. Радловой, А. М. Ремизова, Н. С. Тихонова, К. А. Федина и других авторов.⁴¹

Во второй половине 1921 г. в связи с введением новой экономической политики, прекращением государственных дотаций, финансовых и продовольственных, переходом на хозрасчет Дом литераторов оказался без средств к существованию. Надеясь упрочить юридическое и материальное положение, руководители Дома, прежде пытавшиеся «сохранить независимость учреждения от советского государства и, обходясь своими средствами, сберечь Дом как последний оплот интеллигентской самостоятельности и самопомощи»,⁴² были вынуждены обратиться в Петроградский совет с просьбой о включении его в состав учреждений Петрогубсовета по отделу Народного образования⁴³ и состав научных учреждений Академического центра Наркомпроса. По-видимому, для этой цели был изменен устав, зафиксировавший более широкие задачи Дома литераторов и утвержденный общим собранием 10 сентября 1921 г.: «Изучение литературы (русской и иностранной), ее истории, ее развития; собиране рукописных и печатных произведений литературы; создание для деятелей литературы обстановки и условий, благоприятствующих развитию их творчества и выполнению их литературно-научных работ».⁴⁴ Почва для нового устава была подготовлена всей предшествовавшей деятельностью Дома. С самого основания все ученые Петрограда имели здесь равные с литераторами права. Лекции и доклады на научные темы А. Ф. Кони, С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, физика О. Д. Хвольсона, геронтолога П. Ю. Шмидта, введенные одновременно с литературными вечерами, пользовались в городе широкой популярностью. В устраиваемых Домом литераторов просветительных лекциях для красноармейцев и неграмотных участвовали академик С. Ф. Платонов, профессора С. А. Адрианов и Б. М. Эйхенбаум. В 1921 г. библиотека насчитывала более 40 000 томов русских и зарубежных изданий, музей непрерывно пополнялся новыми экспонатами. В 1921 г. были получены портреты русских писателей из коллекции Ф. Ф. Фидлера, письма писателей, сотрудников «Русского богатства» А. И. Иванчину-Писареву, фотопортреты Вас. И. Немировича-Данченко, Ф. Сологуба и многих других. «По содержанию своей деятельности, в особенности по отделам культурно-просветительному и книжному, он (Дом литераторов. — Т. К.) является в Петрограде одним из ярких очагов культуры и действительного просвещения населения, в частности, путем устройства публичных лекций и докладов по различным отраслям знания, литературы, науки и искусства. Эти публичные доклады и лекции <...> пользуются столь широкой популярностью среди петроградского населения, что зал обыкновенно не вмещает всех желающих в него проникнуть. Это <...> уже само по себе устраняет необходимость приводить какие-либо иные доводы в обоснование того, что Дом литераторов является по существу учреждением просветительным и научным. <...> Включение Дома литераторов в сеть учреждений, состоящих в ве-

дении отдела научных учреждений Академического центра, как общества научного, имеющего право получать средства от Наркомпроса в сметном порядке при посредстве отдела научных учреждений, не может вызвать возражений», — сообщал Академическому центру его эмиссар М. А. Сильвин, ревизовавший деятельность Дома в августе 1921 г.⁴⁵ 25 ноября 1921 г. Дом литераторов был зарегистрирован Академическим центром как научно-исследовательское общество. И все же это уже не могло спасти учреждение, объединявшее несколько сотен человек и оставшееся без материальной поддержки. В начале 1922 г. руководство Дома было вынуждено сократить число лекций, докладов, концертов и ввести платные танцевальные вечера и аукционы рукописей. К середине 1922 г. вследствие финансовых причин Дом литераторов оказался на грани закрытия.⁴⁶

В конце 1921—начале 1922 г. изменилась политика партии по отношению к «буржуазной» интеллигенции. РКП(б) перешла к активному подавлению идеологических и политических противников советской власти. Кампания началась с крупнейшего «показательного» политического процесса 1920-х гг. — процесса над правыми эсерами.⁴⁷ С конца февраля и до 10 августа 1922 г. центральные газеты из номера в номер помещали репортажи из зала суда Верховного революционного трибунала, рассматривавшего дело партии социалистов-революционеров, совершившей «преступление перед пролетарской революцией» в период гражданской войны, отклики трудящихся с требованием «суровой кары изменникам революции», высшей меры наказания «преступной банде белогвардейцев и прихвостней буржуазии». Тогда же публиковались материалы о сопротивлении духовенства и «буржуазной» интеллигенции изъятию церковных ценностей, проводимому в пользу голодающих Поволжья по декрету от 23 февраля 1922 г. В начале марта во вновь возникшем издательстве «Материалист» вышел первый номер журнала «Под знаменем марксизма», развернувший целенаправленную критику «интеллигентской» идеалистической философии. «Партия должна руководить всей хозяйственной, политической и профессиональной жизнью в стране», — заявлялось в постановлении Московского комитета РКП(б) «Об очередных задачах в партстроительстве и укреплении партии», опубликованном 15 марта.⁴⁸ Через день эта же мысль варьировалась в статье Г. Зиновьева «Об укреплении и новых задачах партии. Тезисы т. Г. Зиновьева к XI съезду РКП, утвержденные Центральным комитетом».⁴⁹ XI съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1922 г., принял разработанную Лениным программу наступления на «капиталистические элементы». На состоявшейся в конце июля Всероссийской конференции РКП(б) Г. Зиновьев заявил о необходимости «отвоевать профессорскую кафедру у контрреволюционных профессоров». Тогда же в центральных газетах были опубликованы статьи и заметки («В обители смиренных»,⁵⁰ «Мертвый дом»,⁵¹ «Черви контрреволюции»⁵²), указующие на «капиталистические элементы», собранные в «домах инвалидов», не работающие во благо пролетарской России, а лишь «неустанно вздыхающие об отсутствии свободы печати». Учреждение, объединявшее людей разной политической ориентации и пытавшееся сохранить

нейтралитет по отношению к большевистской власти, конечно, не могло длительное время находиться в состоянии «незамечаемости». Публикации, дискредитирующие Дом литераторов и исподволь подготавливающие общественное мнение, появлялись уже с конца 1921 г.⁵³ Названные же знаменательны по временной плотности, последовательности и «своевременности» их появления на страницах официальной прессы, откровенности выдвигаемых обвинений. В небольшой анонимной заметке «Черви контрреволюции», напечатанной в «Правде» в разгар публикаций о процессе эсеров, проводилась прямая параллель с процессом: «Гидра контрреволюции уже раздавлена, но черви контрреволюции еще копошатся в разных домах, существующих благодаря советской терпимости... Вышел на днях второй № „Литературных записок“, издающихся одним из таких Домов в Петрограде, Домом литераторов. <...> В первом № помещена до омерзения лакейская статья, с коленопреклонением и целованием руки, о Набокове и площадная ругань по адресу тов<арища> О. Л. Д'Ора за то, что он не очень восторженно отзывался о славном черносотенце на столбцах „Правды“. <...> Во втором № среди серой, серой, тупой, тупой болтовни о всякой всячине помещена „дружеская пародия“ на Виктора Шкловского, того самого Виктора Шкловского, которого так недостает сейчас на скамье подсудимых эсеров первой группы. Все это как бы случайно. Восхваление Набокова в одном №, реверанс Виктору Шкловскому в другом. Вскользь брошенная строчка о том, что новые письма Чехова в изд<ательстве> „Атений“ напечатаны „как подобает историческому документу, по старой орфографии“. Знамя — черное с белым — трусливо показывается из-под полы. Противно».⁵⁴ Стремясь защитить Дом литераторов, Б. О. Харитон пытался доказать его лояльность по отношению к власти: «Материальное положение Дома литераторов в связи с НЭПом очень тяжелое, но он все свои функции выполняет, сохраняя еще традиции до-нэповского периода: свободный вход и бесплатность большинства услуг. Не укажет ли тов<арищ> Смышляевский⁵⁵ в Петербурге или в Москве другое учреждение или другое объединение с такими же разнообразными функциями, с такими же ограниченными средствами и с такою же бесплатностью. <...> Деятельностью Дома литераторов в течение четырех лет весьма подробно интересовались при посредстве своих представителей многие ведомства: прежде всего, конечно, Наркомпрос, и Рабкрин, и Компрод, и Акцентр. И всегда уходили с одним заключением, что ничего, кроме пользы Дом литераторов не приносят».⁵⁶ Но спасти Дом литераторов было уже невозможно. Государство, разрешив однажды объединение «буржуазной» творческой интеллигенции («внутренних эмигрантов»), больше в нем не нуждалось. Сам принцип объединения на основе профессиональных интересов (впоследствии широко декларируемый государством, но применявшийся лишь формально), понятия профессиональной чести и достоинства русских писателей, отстаиваемые руководителями Дома литераторов, выпадали из смысловых координат идеологизирующейся эпохи. В начале июля 1922 г. Я. А. Яковлев, заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б), в докладной записке Сталину сообщал о ситуации в писательской

среде: «Основные организационные литературные центры — в руках белых (скрытых или явных) — Питерский Дом литераторов, Всероссийский союз писателей».⁵⁷

27 октября 1922 г. Дому литераторов «в виду того, что большинство членов Дома литераторов являются лицами политически неблагонадежными» отказано в перерегистрации.⁵⁸ 3 ноября опечатаны помещения, изъяты печать, штамп и финансы, которых оказалось всего 3215 рублей. Комитет упраздненного Дома безрезультатно пытался добиться разрешения хотя бы на его ликвидацию в порядке, предусмотренном уставом, с созывом общего собрания и передачей имущества другим литературным организациям и членам Дома. «Принадлежащее Дому имущество, главную ценность которого представляют библиотека и собрание портретов писателей и других материалов для литературного музея, образовавшиеся почти исключительно из пожертвований членов Дома, передать в установленном порядке одному из петроградских общелитературных объединений. <...> Обстановка Дома, весьма скромная, составила также преимущественно из пожертвований, причем в основу было положено пожертвование закрывшегося впоследствии Потребительного общества журналистов, некоторые же предметы обстановки и домашнего хозяйства были предоставлены в пользование Дому частными лицами под условием возвращения при первом требовании. Таким образом очевидно, что имущество Дома литераторов составляет неоспоримую собственность самого общества, либо отдельных членов его», — заявляли члены Комитета в письме в Петроградское отделение Академического центра.⁵⁹ Безуспешными оказались и попытки Всероссийского союза писателей, дважды, в конце декабря 1922 г. и в марте 1923 г. обращавшегося в официальные инстанции с просьбой о передаче в его ведение помещения Дома литераторов со всем инвентарем и библиотекой.⁶⁰ Впоследствии помещение было передано «группе красных журналистов для устройства Дома красных журналистов». Библиотека и материалы Литературного музея поступили в Академию наук. В ноябре 1922 г. бессменные руководители Дома — Борис Осипович Харитон, Николай Моисеевич Волковыский и Виктор Яковлевич Ирецкий высла- ны за границу.

II

Архив Дома литераторов (ныне: фонд 98) поступил в Пушкинский Дом, по-видимому, в 1923 г. через его директора и председателя Комитета Дома литераторов Н. А. Котляревского. Впервые он упомянут в списке материалов, переданных до 1924 г. (см. Книгу поступлений за 1924—1929 гг., л. 6). В нем сохранились делопроизводственные материалы самого Дома литераторов, организаций-учредителей и некоторых организаций, входивших в его состав, а также материалы краткосрочных курсов подготовки журналистов — Первой Всероссийской школы журнализма (1918), организованной Петроградским профессиональным союзом журналистов и руководимой П. М. Пильским.⁶¹

Большую часть фонда составляют материалы Дома: делопроизводственные документы по организации и деятельности, характеризующие и положение петроградской интеллигенции в первые послеоктябрьские годы, материалы по личному составу, переписка по деятельности, письма разных лиц организаторам и фактическим руководителям Дома — Б. О. Харитону и Н. М. Волковыскому, произведения. Составной частью архива Дома являются материалы и переписка его периодических изданий — журналов «Летопись Дома литераторов» и «Литературные записки», а также журнала «Вестник литературы», по сути являвшегося печатным органом Дома.

Из пяти организаций-учредителей сохранились материалы Общества взаимопомощи литераторов и ученых за 1918—1919 гг., Кассы взаимопомощи литераторов и ученых за 1909—1919 гг., Петроградского профессионального союза журналистов, Потребительного общества столичных журналистов, Союза деятелей художественной литературы.

Архив был предварительно разобран, по-видимому, сразу по поступлении в Пушкинский Дом, составлены карточки. В фонде числится 299 единиц хранения. В результате современной научно-технической обработки, включавшей атрибуцию значительного комплекса документов и их переформирование, сформировано 368 единиц хранения, сгруппированных в трех описях: «Материалы и переписка по организации и деятельности Дома литераторов»; «Материалы и переписка по деятельности организаций-учредителей Дома: Общества и Кассы взаимопомощи литераторов и ученых, Петроградского профессионального союза журналистов, Потребительного общества столичных журналистов, Союза деятелей художественной литературы»; «Материалы и переписка по деятельности Первой Всероссийской школы журнализма».

Опись № 1 состоит из двух разделов: материалы и переписка по организации и материалы и переписка по деятельности Дома литераторов. В первом сгруппированы документы, определяющие статус Дома (устав, удостоверение, выданное Наркомпросом, контрольная книжка) и документы по его реорганизации в связи с введением НЭПа (устав Потребительного общества Дома, протокол общего собрания о создании кооператива). Здесь же расположены документы некоторых организаций-учредителей, характеризующие социальное положение литераторов и журналистов, послужившее причиной создания Дома литераторов (заявления членов Петроградского профессионального союза журналистов о материальной помощи, протокол общего собрания представителей литературных организаций о бедственном материальном положении литераторов, разрешение Комиссариата продовольствия на открытие буфета и столовой, переписка по этому же вопросу). Второй раздел состоит из семи подразделов. Материалы и переписка, сгруппированные в первых трех, отражают деятельность структурных подразделений Дома: Комитета и Руководящей коллегии, Хозяйственного комитета, культурно-просветительной комиссии. В них представлены протоколы заседаний (культурно-просветительной и экспертно-цензурной комиссий, коллегии литературной студии, один протокол засе-

дания Хозяйственного комитета), отчеты, анкеты, заявления о приеме и выделении продовольственного пайка, командировочные удостоверения, объявления и программы вечеров и концертов, материалы конкурса на лучший рассказ (протоколы заседаний жюри, рукописи рассказов, поступивших на конкурс), материалы чествования памяти А. С. Пушкина (протокол торжественного собрания, постановление Дома литераторов о ежегодном чествовании памяти Пушкина, тексты выступлений А. Ф. Кони и В. Ф. Ходасевича), произведения разных авторов (М. А. Кузмина, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, А. Д. Радловой, Ф. Сологуба, Н. С. Тихонова), переписка, сгруппированная тематически. Здесь и далее выявлены все опубликованные произведения. Из 68 протоколов заседаний Хозяйственного комитета, указанных в отчете Комитета, сохранился лишь один. Место хранения остальных, равно как и протоколов заседаний Комитета, Коллегии и общих собраний, неизвестно. Возможно, они были изъяты при ликвидации Дома.

В следующих трех подразделах размещены материалы по изданию журналов «Вестник литературы», «Летопись Дома литераторов», «Литературные записки». В основном это рукописи работ, поступивших в редакции (в том числе и неопубликованные), финансовые документы и письма разных лиц в редакции и заведующим редакциями А. Е. Кауфману и Б. О. Харитону. Последний (седьмой) подраздел содержит материалы и письма разных литературных организаций, в том числе Всероссийского союза писателей, основанного в июле 1920 г. и в первые годы существования тесно связанного с Домом по своим задачам, принципу объединения литераторов и составу руководящих органов. От Дома литераторов Союз получил первоначальную ссуду в 25 тысяч рублей, на базе секретариата Дома велось его делопроизводство, члены Комитета Дома Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, В. Я. Ирецкий, Е. П. Карпов входили одновременно и в Правление Союза. В отстаивании прав русских писателей Дом литераторов и Петроградское отделение ВСП нередко объединяли свои усилия.

Опись № 2 состоит из трех разделов. В первый включены финансовые отчеты Общества взаимопомощи литераторов и ученых и письма Правлению Общества и его председателю А. Е. Кауфману, во второй — письма и прошения в Кассу взаимопомощи литераторов и ученых. Документальные материалы третьего раздела освещают деятельность СДХЛ и его издательского товарищества. В первый Совет Союза входили Ф. Сологуб (председатель), Н. С. Гумилев, М. Горький (избран заочно), Ан. и Ал. Чеботаревские, Ф. Ф. Зелинский и др.; с ноября 1918 г. — В. В. Муйжель (председатель), Н. С. Гумилев (товарищ председателя), Ю. Л. Слезкин, Д. М. Цензор, А. П. Чапыгин и др. Членами редакционной коллегии издательского товарищества (отдела) Союза, руководимого Горьким, были А. А. Блок, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, Ю. Л. Слезкин, В. Я. Шишков. По замыслу Горького, товарищество должно было стать центром, координирующим издание всей русской литературы. Предполагалось издание произведений конца XIX—начала XX века, газеты «Современник», журнала (варианты названий «Лампа»,

«Литературный временник», «Завтра»), альманахов, но обширные планы не были осуществлены, договора СДХЛ с авторами впоследствии переданы издательству «Всемирная литература». В разделе сгруппированы протоколы заседаний Совета Союза, общих собраний, протоколы и стенограммы Особой комиссии по деятельности Союза с записью опроса Горького и Гумилева, устав и протоколы заседаний правления и редакционной коллегии издательского товарищества, финансовые документы, письмо редакционной коллегии, подписанное Горьким и докладная записка Горького в Наркомпрос по издательским вопросам (копии). В конце раздела помещены два письма Петроградского профессионального союза журналистов (в Отдел театров и зрелищ) и Потребительного общества столичных журналистов (членам Общества).

В описи № 3 представлены документальные материалы Школы журнализма: протоколы, программы и расписание занятий, финансовые отчеты, списки лекторов и слушателей, анкеты слушателей, планы-конспекты лекций и отчеты лекторов, рукописи работ слушателей, переписка Школы.

Материалы всех литературных и журналистских организаций и курсов, журналов, составившие фонд № 98, тематически образуют единое целое и отражают положение и деятельность творческой интеллигенции Петрограда в первые послеоктябрьские годы.

¹ О Доме литераторов см.: *Мартынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918—1922) // *Русская литература*. 1971. № 1. С. 125—134; *Иванов Г. В.* Дом литераторов // *Иванов Г. В.* Мемуары и рассказы. М.; Париж; Нью-Йорк, 1992. С. 59—63; Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов (Воспоминания А. В. Амфитеатрова) / Публ. А. Г. Виноградова // *Встречи с прошлым*. М., 1996. Вып. 8. С. 141—164.

² См. об этом: *Ратковский И. С.* Историограф Октября и красного террора // *Петербургские чтения*. 95. СПб., 1995. С. 233—235; *он же.* Красный террор в Петрограде (осень 1918 г.) // *Петербургские чтения*. 96. СПб., 1996. С. 175—177. Об экономическом положении интеллигенции Петрограда в первые послереволюционные годы см. в предисловии Т. Кукушкиной к публикации: *Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов* (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры) // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год*. СПб., 2002. С. 341—402. *Зиновьев Григорий Евсеевич* (псевд. Радомысльского Овсея (Герша) Ароновича; 1883—1936) — с декабря 1917 г. председатель Петроградского Совета.

³ См. об этом в постановлении Петроградского совета рабочих, матросских и крестьянских депутатов: *Петроградская правда*. 1918. 29 мая. С. 1.

⁴ Из обзора деятельности Дома литераторов за 1920 год: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 2.

⁵ Подробнее о СДХЛ см.: *Ширмаков П. П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти // *Вопросы советской литературы*. М.; Л., 1958. Вып. 7. С. 454—475; *Муромский В. П.* Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 гг.) // *Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910—1930-х годов*. Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 125—196.

⁶ *Петрищев Василий Борисович* (1877—?) — публицист, журналист. Сотрудничал также в газетах «Русское слово», «Русская воля», «Одесские новости», «Приднестровский край», «Южное обозрение». Осенью 1922 г. выслан из России.

⁷ Из письма члена Совета Союза И. М. Эйзена-Железнова от 24 июня 1919 г. в ревизионную комиссию Союза: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 2, № 23, л. 165.

⁸ Из отчета Комитета о деятельности в 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 7.

⁹ *Редько Александр Мефодьевич* (1866—1933) — литературно-художественный критик, сотрудник журнала «Русское богатство». В 1918 г. — член Совета Союза русских писателей, один из авторов его устава и декларации, член Правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых, в 1919—1921 гг. — член Комитета Дома литераторов, в 1920 г. — один из членов-учредителей Всероссийского союза писателей (Петроградское отделение).

¹⁰ *Азов Владимир Александрович* (наст. фам. Ашкинази; 1873—1941) — журналист, фельетонист, переводчик. Сотрудник газет «Речь», «День». В 1926 г. эмигрировал, жил в Париже.

¹¹ См. устав Объединенного союза профессиональных литературных организаций: РО ИРЛИ, ф. 709, № 258, л. 1.

¹² РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 7, л. 1. Устав опублик.: Вестник литературы. 1921. № 4/5 (апрель—май). С. 23—24.

¹³ *Харитон Борис Осипович* (Иосифович; 1876—1941?) — журналист, сотрудник газет «Речь», «Биржевые ведомости», «Одесские новости», «Крымский вестник», редактор газет «Южный курьер», «Вестник юга». Член Правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых, член Совета Петроградского профессионального союза журналистов. После высылки из России некоторое время жил в Берлине, совместно с В. Я. Ирецким редактировал журнал «Сполохи». В 1924 г. переселился в Ригу, в 1924—1940 гг. — редактор газеты «Сегодня вечером», в 1925—1940 гг. — соредактор газеты «Сегодня». После присоединения Латвии оказался на советской территории, репрессирован, погиб в заключении. *Кауфман Абрам Евгеньевич* (1855—1921) — публицист, журналист, сотрудник газеты «Молва» (секретарь), в 1889—1904 гг. — редактор «Одесского листка», с 1919 г. — председатель Правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых. *Новик Исаак Давидович* (1861—1924) — журналист, редактор, кандидат прав. По окончании юридического факультета Новороссийского университета работал в московских газетах «Новости дня», «Московский еженедельник» (секретарь редакции), заведовал литературно-критическим отделом журнала «Семья». Основатель и редактор газеты «Курьер» (Москва; 1897—1904). С 1908 г. — ночной редактор петербургских «Биржевых ведомостей», в 1917 г. — помощник редактора. В 1918 г. — помощник редактора газеты «Русская воля». Автор брошюр «Московские земские соборы», «Женское избирательное право». Весной 1920 г. эмигрировал в Берлин, сотрудничал в газетах «Голос России», «Русский эмигрант». *Бурин Соломон (Семен) Львович* (псевд. Симбрун, С. Бурьянов; 1888—1920) — журналист. Помещал политическую информацию и фельетоны в газетах «Речь», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Русская молва», «Современное слово». *Волковский Николай Моисеевич* (1881—после 1940) — журналист, сотрудничал в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости» (1917—1918), «Русская молва», «Русская воля» (с лета 1917 г. — заведующий городским отделом), «Утро России» (заведующий информационным отделом), «Слово». Помещал статьи и заметки по вопросам искусства, политики, общественной жизни. Заместитель председателя Всероссийского союза писателей (Петроградское отделение). После высылки из России поселился в Берлине, состоял берлинским корреспондентом газеты «Сегодня» (Рига; в 1925—1940 гг. соредактор газеты — Б. О. Харитон). С 1933 г. жил в Варшаве, с осени 1939 г. — в Кременце недалеко от Тернополя. После присоединения Западной Украины оказался на советской территории, репрессирован. *Гиллер Иероним Григорьевич* (1881—?) — журналист, сотрудник газет «Биржевые ведомости» (1917—1918), «Русское слово», «Русская мысль». В 1916 г. призван на военную службу, прикомандирован к Красному Кресту. После революции арестован, сослан в Архангельскую губернию. *Клячко Лев Моисеевич* (1873—1934) — журналист, издательский работник, основатель и руководитель детского издательства «Радуга» (1922—1930). *Розенфельд Исаак Максимович* (псевд. Ольгин; 1880—?) — журналист, сотрудник газет «Речь», «Русская воля» (1917—1918; редактор отдела хроники), «Русь», «Солнце России», «Киевская мысль». *Урютинский Григорий Ипполитович* (псевд. Стнельников; 1886—?) — беллетрист, журналист, сотрудник газет «Биржевые ведомости», «Солнце России», «Курьер», «Дневник Казани». В 1918—1919 гг. — секретарь Совета Союза деятелей художественной литературы. Эмигрировал в Латвию. *Хаст Марк Александрович* (псевд. Спешнев; 1878—?) — журналист, сотрудник газет «Биржевые ведомости», «Одесский листок», «Вестник юга», «Приднестровский край». Член Хозяйственного комитета Общества взаимопомощи литераторов и ученых.

¹⁴ *Ирецкий Виктор Яковлевич* (наст. фам. Гликман; 1888—1936) — прозаик, журналист, сотрудник газет «Речь», «День», «Солнце России», журналов «Вестник Европы», «Современный мир». С июня 1920 г. и до высылки из России в ноябре 1922 г. — секретарь Всероссийского союза писателей (Петроградское отделение).

¹⁵ Из письма Н. М. Волковыского в КУБУ, написанного им по постановлению Комитета Дома литераторов от 27 августа 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 29, л. 3. Это письмо — упрек руководителям Дома ученых, отказавшим членам Дома литераторов в получении академических пайков и нарушившим «вековой союз» литераторов и ученых.

¹⁶ Вестник литературы. 1920. № 4/5 (16/17). С. 21.

¹⁷ См.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 48, 49. Ср. также с воспоминаниями Г. Иванова: «С раннего утра Дом литераторов наполнялся посетителями. Право входа имели все, но, чтобы получить обед, надо было предъявить членскую карточку, выдававшуюся „литераторам и их семействам“. Но как было определять в советские времена, кто действительно литератор, кто самозванец? Издательств, газет, редакций уже давно не было. На прием к Харитону являлся человек, оборванный и явно голодный. „Я журналист“. — „Где Вы писали?“ Человек мнетса: „В сибирских газетах... и вообще...“ Харитон раздумывает (для виду), потом тянется за заповедной карточкой. „Вот... членский взнос уплатите, когда сможете... Обеды выдают с 11 дня...“» (*Иванов Г.* Дом литераторов. С. 59).

¹⁸ Из отчета о деятельности Комитета в 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 7.

¹⁹ Там же, л. 8.

²⁰ Из письма Комитета ДЛ в Петроградский отдел топлива от 6 декабря 1919 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 62, л. 66.

²¹ Из обзора деятельности ДЛ за 1920 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 2.

²² Постановление Совнаркома от 11 декабря 1918 г., подписанное Лениным и заместителем председателя Народного комиссариата продовольствия Н. Брюхановым. См.: Петроградская правда. 1918. 13 дек., № 273. С. 2.

²³ По распоряжению наркома продовольствия А. Д. Цюрюпы право на закупки имели профсоюзные организации, насчитывающие не менее 2000 членов, предприятия — не менее 1000 рабочих и служащих. См.: Петроградская правда. 1918. 19 авг., С. 2.

²⁴ См., в частности, письмо В. Д. Бонч-Бруевича в Петрокоммуну от 4 сентября 1920 г.: «Они нуждаются и в продовольствии, и в топливе, и особенно им нужно восстановить право покупки молока для писателей. Ведь среди них есть старики, которые не могут употреблять ту пищу, которую едят все. Молочная пища им совершенно необходима. Всякая иначе быстро приближает их к смерти» (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 13, л. 2).

²⁵ Из письма от 2 апреля 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 23, л. 112.

²⁶ Цит. по: *Миртынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти. С. 127.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 7, л. 1.

²⁸ *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — историк литературы, академик (с 1909), первый директор Пушкинского Дома (1910—1925).

²⁹ *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1844/45—1936) — писатель, брат Вл. И. Немировича-Данченко. В 1921 г. эмигрировал, жил в Праге.

³⁰ Из отчета Хозяйственного комитета (справка секретаря): РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 54, л. 5.

³¹ Вестник литературы. 1920. № 6 (18). С. 16.

³² Текст декларации опублик.: Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 17—18. Ср. с информацией о заседании в январе 1922 г. представителей всех литературных организаций Москвы, где обсуждался вопрос «об установлении навсегда обычая раз в год — 11 февраля — устраивать Пушкинский день» и было «постановлено устроить 11 февраля с<его> г<ода> первый Пушкинский день в Большом Государственном театре» (Правда. 1922. 27 янв., № 20. С. 4).

³³ О конкурсе см.: *Шошин В. А.* Конкурс Дома литераторов // Русская литература. 1967. № 3. С. 214—219.

³⁴ В похоронах поэта принимали участие также Всероссийский союз поэтов (Петроградское отделение), Большой Драматический театр, Дом искусств, издательства «Алконост», «Всемирная литература», «Издательство З. И. Гржебина».

³⁵ Не установлена. В 1926 г. Всероссийский союз писателей также тщетно пытался добиться разрешения на установление мемориальной доски. См. письмо Правления Союза в Исполком Ленсовета от 3 августа 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291).

³⁶ Решение принято на заседании 3 марта 1922 г. по докладу члена Коллегии Наркомпроса В. Н. Мещерякова. См. выписку из постановления Оргбюро: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 31, оп. 2, № 4, л. 4. Далее — ЦГАЛИ СПб. На следующий день П. И. Лебедев-Полянский, председатель Главного управления Госсиздата, сообщил Политотделу Петроградского отделения Госсиздата: «Журналы „Вестник литературы“ и „Летопись Дома Литераторов“ должны быть закрыты и в будущем все разрешения на журналы будут даваться только Политотделом Главного управления по Вашему представлению» (ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 4, л. 2).

³⁷ Б. Н. [Реш.] // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 15.

³⁸ См. письмо П. И. Лебедева-Полянского в Политотдел Петроградского отделения Госсиздата от 8 августа 1922 г.: «По постановлению Особой комиссии предлагается Вам закрыть журнал „Литературные записки“, не давая возможности их (sic! — Т. К.) редакторам и сотрудникам создавать новые журналы» (ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 4, л. 59).

³⁹ См. протокол заседания редколлегии Петроградского отделения Госсиздата № 3 от 6 февраля 1922 г.: ЦГАЛИ СПб., ф. 35, оп. 1, № 42, л. 68 об.

⁴⁰ Там же, л. 68.

⁴¹ Официальная критика расценила сборник как «контрреволюционный петроградский сборник, в котором Евг. Замятин издается над пролетариатом, а Н. Павлович готовится к встрече старого хозяина — царского режима» (*Полянский Вал.* Серапионовы братья // Правда. 1922. 28 авг., № 11. С. 3).

⁴² Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов (Воспоминания А. В. Амфитеатрова). С. 158.

⁴³ См. письмо Дома литераторов в Президиум Исполкома Петрогубсовета от 24 февраля 1921 г., подписанное Н. А. Котляревским и А. Е. Кауфманом: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 2552, оп. 1, № 5, л. 5. Далее — ЦГА СПб.

⁴⁴ ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 6, № 32, л. 3.

⁴⁵ ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 396, л. 4.

⁴⁶ См. об этом в заметке петроградского корреспондента берлинского журнала «Новая русская книга» Я. Лившица: «Новая экономическая политика отразилась на нем (Доме литераторов. — Т. К.) крайне плачевно. Не получая ниоткуда средств, предоставленный самому себе, Дом литераторов вынужден был не только сократить все свои функции, не только упразднить столовую, в которой отпускались бесплатные обеды для наиболее нуждающихся писателей, но и допустить в своем помещении устройство аукционов <...>. Героические усилия нынешнего Комитета Дома литераторов спасти Дом, оказавший немало услуг петербургским писателям в самые ужасные для них годы, наталкиваются на препятствия чисто материального характера и существует опасение, что Дом литераторов, может быть, придется закрыть» (Новая русская книга. Берлин, 1922. № 6. С. 25). Заметка датирована 7 июня 1922 г.

⁴⁷ Процесс был открыт после выхода в феврале 1922 г. книги Г. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.» (Берлин). Первые показания члена партии Лидии Коноплевой (жены Г. Семенова) о подготовке покушения на Ленина опубликованы в «Правде» 28 февраля 1922 г. (№ 47. С. 1).

⁴⁸ Правда. 1922. 15 марта, № 60. С. 2.

⁴⁹ Там же. 17 марта, № 62. С. 2—3.

⁵⁰ *Лиров М.* В обители смиренных (Журнальное обозрение) // Там же. 16 марта, № 61. С. 4; 18 марта, № 63. С. 3.

⁵¹ *Смышляевский П.* Мертвый дом // Петроградская правда. 1922. 17 мая, № 108. С. 3.

⁵² *Книгоед.* Черви контрреволюции // Правда. 1922. 30 июня, № 143. С. 4.

⁵³ *Лемке М.* Письмо из города «Красных зорь» // Новый путь (Рига). 1921. № 216 (ноябрь); *Действительный член Дома литераторов.* Письмо в редакцию // Жизнь искусства. 1921. 20 дек., № 822. С. 7. Ответ Б. О. Харитона на заметку М. Лемке см.: Летопись Дома литераторов. 1921. № 2. 15 ноября. С. 5. Его же неопубликованный ответ на анонимное письмо сохранился в архиве Дома литераторов: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 24, л. 56—57.

⁵⁴ Содержание, тон и стилистика заметки позволяют предположить авторство О. Л. Д'Ора (псевд. Осипа Львовича Оршера; 1879—1941?), беллетриста, журналиста, в 1920-е гг. активного сотрудника «Правды», автора многочисленных развязных фельетонов на политические темы. Упомянутая статья о юристе, публицисте, одном из лидеров партии кадетов Владимире Дмитриевиче Набокове (1869—1922) под заглавием «Заметки журналиста» (с. 10—11) написана Б. О. Харитоном, содержит воспоминания, проникнутые уважением и убежденностью в будущем признании общественных и культурных заслуг Набокова. О. Л. Д'Ор, автор единственного официального отклика на кончину Набокова (Петроградская правда. 1922. 31 марта, № 73. С. 2), назван в статье «газетным клопом». Статья О. Л. Д'Ора о Набокове послужила и причиной единодушного отказа ему в начале мая 1922 г. в приеме во Всероссийский союз писателей. Оскорбленный Д'Ор через три месяца, в разгар публикаций о процессе эсеров, напечатал статью «О Петроградском отделе Всероссийского профсоюза писателей» (Петроградская правда. 1922. 29 июля, № 168. С. 3), содержащую обвинение Правления Союза в монархических, антисоветских настроениях и уничтожительные характеристики членов Правления, в частности, Волковского, Ирецкого и Харитона, в Правлении Союза не состоявшего. Во втором номере журнала «Литературные записки» (с. 8—9) помещены «Дружеские пародии» М. М. Зошенко на В. Б. Шкловского и Вс. В. Иванова. Шкловский был упомянут в брошюре Семенова (см. примеч. 47) как член партии эсеров. В марте 1922 г. бежал по льду Финского залива за границу. В обвинительном заключении значился как привлеченный по делу, но «не разысканный» (см. примеч. А. Ю. Галушкина к его публикации: В. Б. Шкловский. Письма М. Горькому (1917—1923) // De visu. 1993. № 1. С. 41—42). Далее автор заметки цитирует строки из рецензии А. Г. Горнфельда на сборник писем А. П. Чехова, выпущенный в 1922 г. Пушкинским Домом под редакцией Б. Л. Модзалевского в издательстве «Атеней». См.: Литературные записки. 1922. № 2. С. 13.

⁵⁵ См. примеч. 51.

⁵⁶ Харитон Б. О Доме литераторов // Литературные записки. 1922. № 1 (25 мая). С. 11—12.

⁵⁷ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 39.

⁵⁸ См. письмо Петроградского губернского исполкома в Петроградское отделение Управления научными учреждениями Академического центра с грифом «секретно» от 31 октября 1922 г.: ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 6, № 32, л. 13.

⁵⁹ ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 396, л. 10—10 об. По поручению Комитета письмо подписали А. В. Ганзен и А. М. Редько.

⁶⁰ См. письма ПО Правления ВСП в Академический центр от 29 декабря 1922 г. и от <7?> марта 1923 г., составленные Е. И. Замятинным и подписанные А. Л. Вольским: ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 8, 9. На втором письме помета: «Послано отношение в Петрогубисполком. 14.03».

⁶¹ *Пильский Петр Моисеевич* (1879—1941) — критик, публицист, беллетрист. Сотрудничал в журналах «Мир Божий», «Журнал для всех», газете «Курьер» (Москва), в начале 1918 г. — в антибольшевистских газетах Одессы. В 1920 г. эмигрировал, жил в Таллине и Риге.